

Научная статья

УДК 342.951

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.85-104

Концептуальные проблемы выявления монополистических соглашений и иных монополистических действий¹

Кирилл Андреевич Писенко

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
pissenkokir@mail.ru*

Аннотация

Введение. Статья посвящена концептуальным проблемам выявления монополистических соглашений и иных монополистических действий в контексте задач применения методологии экономико-правового анализа в антимонопольном праве и практике для целей повышения эффективности антимонопольной политики, повышения качества разрешения административных и судебных дел, возникающих из применения антимонопольного законодательства.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящей статьи составляют труды отечественных и зарубежных исследователей в области юриспруденции и экономики, прежде всего в сфере методологии экономико-правового анализа, экономики конкурентных рынков и антимонопольного регулирования, публичного, прежде всего административного и административно-процессуального, права, антимонопольного (конкурентного), предпринимательского права и смежных научных областей. Методологическую основу настоящего исследования составляют комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе баланс интересов, как базирующееся на конвергенции правовых идей справедливости и интереса философское основание выработки оптимальных правовых решений в регулировании и правоприменении, диалектический, герменевтический, формально-юридический, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, экономико-правового анализа, правовой социологии и другие методы. Особое внимание уделено методу экономико-правового анализа.

Результаты исследования. С использованием элементов ретроспективного сравнительно-исторического анализа выявлены отличия современной системы антимонопольного регулирования, особенностью которой является онтологическая связь права и экономики. Это предопределяет необходимость создания условий для интеграции качественного и достаточного для объективного разрешения антимонопольных дел экономико-правового анализа в действующую

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

систему средств противодействия монополистической деятельности, а также разрешения судами и административными органами различных категорий дел, возникающих из применения антимонопольного законодательства. С позиций принципов баланса интересов, пропорциональности (эффективности, разумного подхода), экономико-правового аналитического подхода к оценке правомерности рыночного поведения рассмотрена правоприменительная практика, официальные акты судебного толкования, в особенности «антимонопольное» Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2. Подчеркнуто его значение для дальнейшей имплементации экономико-правового аналитического метода в антимонопольно-правовую науку, законодательство, практику с целью повышения эффективности антимонопольной политики, обеспечения социально-экономических интересов граждан, общества, государства.

Обсуждение и заключение. В результате исследования сформулированы направленные на обеспечение конституционных целей и ценностей в антимонопольном регулировании и практике предложения, связанные с имплементацией экономико-правового аналитического подхода, обеспечением принципов баланса интересов и пропорциональности (эффективности, разумного подхода), в том числе предложения по изменению ст. 13 Закона «О защите конкуренции», коррекции целей антимонопольного законодательства, по применению экономических экспертиз в антимонопольном процессе и др. В том числе обоснованы предложения о необходимости расширения сферы действия ст. 13 Закона «О защите конкуренции», пересмотра концепции *per se* в российском антимонопольном регулировании и правоприменении.

Ключевые слова: картель, антимонопольное законодательство, антимонопольный контроль, ограничивающее конкуренцию соглашение, сверхприбыль, противоправность, экономико-правовой анализ, баланс интересов, пропорциональность, суд, принцип (правило) разумности

Для цитирования: Писенко К. А. Концептуальные проблемы выявления монополистических соглашений и иных монополистических действий // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 3. С. 85–104. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.85-104.

Original article

Conceptual Problems of Identifying Monopolistic Agreements and Other Monopolistic Actions

Kirill A. Pisenko

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: pissenkokir@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to conceptual issues and problems of identifying monopolistic agreements and other monopolistic actions in the context of the tasks of applying the methodology of economic and legal analysis in antimonopoly law

and practice for the purpose of improving the effectiveness of antimonopoly policy, improving the quality of resolving administrative and judicial cases arising from the application of antimonopoly legislation.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this article is the works of domestic and foreign researchers in the field of jurisprudence and economic sciences, primarily the methodology of economic and legal analysis, the economic analysis of competitive markets and antimonopoly regulation, public, primarily administrative and administrative procedural law, antimonopoly (competition) law, business law and related scientific fields. The methodological basis of this research is a complex of philosophical, general scientific and private scientific methods of cognition, including the balance of interests as a based on the convergence of legal ideas of justice and interest philosophical basis for developing optimal legal solutions in regulation and law application, dialectical, hermeneutic, formal legal, comparative legal, comparative historical, economic and legal analysis, legal sociology, etc. methods. Special attention is paid to the method of economic and legal analysis.

Results. Using the elements of a retrospective comparative-historical analysis, the differences of the modern system of antimonopoly regulation are revealed, the peculiarity of which is the ontological connection of law and economics. This determines the need to create conditions for the integration of high-quality economic and legal analysis sufficient for the objective resolution of antimonopoly cases into the current system of means of countering monopolistic activity, as well as the resolution by courts and administrative bodies of various categories of cases arising from the application of antimonopoly legislation. From the standpoint of the principles of balance of interests, proportionality (efficiency, rule of reason), economic and legal analytical approach to assessing the legality of market behavior, law enforcement practice, official acts of judicial interpretation, especially the “antimonopoly” resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 of March 4, 2021, are considered. Its importance for the further implementation of the economic and legal analytical method in antimonopoly science, legislation, practice in order to increase the effectiveness of antimonopoly policy, to ensure the socio-economic interests of citizens, society, and the state is emphasized.

Discussion and Conclusion. As a result of the study, proposals aimed at ensuring constitutional goals and values in antimonopoly regulation and practice related to the implementation of the economic and legal analytical approach, ensuring the principles of balance of interests and proportionality (efficiency, rule of reason), including proposals to amend Article 13 of the Law “On Protection of Competition”, correction of the objectives of antimonopoly legislation, the use of economic expertise in the antimonopoly process, etc. In particular, the proposals on the need to expand the scope of Article 13 of the Law “On Protection of Competition”, revision of the concept of per se in Russian antimonopoly regulation and law enforcement are substantiated.

Keywords: cartel, antimonopoly legislation, antimonopoly control, agreement restricting competition, excess profit, illegality, economic and legal analysis, balance of interests, proportionality, court, rule of reason

For citation: Pisenko, K. A., 2023. Conceptual problems of identifying monopolistic agreements and other monopolistic actions. *Pravosudie/Justice*, 5(3), pp. 85–104. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.85-104.

Введение

Правоприменительная практика, включая судебное, административное, уголовное правоприменение по делам, требующим оценки поведения хозяйствующих субъектов и иных лиц с точки зрения обязательных требований антимонопольного законодательства, все чаще сталкивается с ситуацией, когда установление факта правомерности/неправомерности оцениваемого поведения лица невозможно без исследования экономических фактов и обстоятельств, сопровождающих такое поведение. Более акцентированными с точки зрения нацеленности на достижение конкретных социально-экономических результатов стали также и требования Конституции России после ее изменений в ходе реформы 2020 г.² В частности, статьей-новеллой 75.1 Конституции России установлено, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Большое внимание проблематике экономической аргументации в обосновании позиций по антимонопольным делам уделено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 по вопросам применения антимонопольного законодательства³ (далее – Постановление № 2), что также свидетельствует о насущности и значимости для обеспечения целей правового регулирования, баланса интересов интеграции экономического элемента в материю права и практику его применения. Конституционно обусловленная направленность на достижение конкретного экономического результата предопределила необходимость развития отраслевого регулирования, тесно связанного с экономическим фактором, в том числе и в значительной степени антимонопольного. Несмотря на постулируемую в отдельных положениях антимонопольного законодательства значимость экономического фактора, использование в регулировании и практике, в том числе базирующегося на экономических явлениях и терминах понятийно-категориального аппарата, практика применения данного законодательства свидетельствует о нередком применении противоречащего требованиям экономической оценки рыночного поведения лица формального подхода к толкованию и применению установленных антимонопольных норм, ошибках, заблуждениях в понимании его

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 5.

основополагающих целей и принципов. Таким образом, несмотря на наличие в «теле» российского антимонопольного права экономического фактора, его созидательный потенциал для достижения конституционных целей социально-экономического развития, сбалансированного регулирования и правоприменения в значительной степени не раскрыт и не используется. Назрела объективная потребность в концептуальном осмыслении проблематики, задач, содержания современной системы антимонопольного регулирования с позиций экономико-правовой методологии с целью разработки системных начал, а затем и деталей для дальнейшего последовательного установления разработанных инициатив в позитивном антимонопольном праве и применения на практике, в том числе определения приоритетных направлений применения такой методологии в целях эффективного противодействия монополистическим тенденциям и повышения уровня благосостояния граждан.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящей статьи составляют труды отечественных и зарубежных исследователей в области юриспруденции и экономики, прежде всего в сферах методологии экономико-правового анализа, экономики конкурентных рынков и антимонопольного регулирования, публично-го, прежде всего административного и административно-процессуального, права, антимонопольного (конкурентного), предпринимательского права и смежных научных областей.

Методологическую основу настоящего исследования составляют комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе баланс интересов как базирующееся на конвергенции правовых идей справедливости и интереса философское основание выработки оптимальных правовых решений в регулировании и правоприменении, диалектический, герменевтический, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы. Особое внимание уделено методам экономико-правового анализа и сравнительно-историческому.

Результаты исследования

100-летний юбилей Верховного Суда Российской Федерации как памятная дата в отечественной правовой истории и в целом истории российской государственности – безусловно значимое событие, имеющее не только конкретное историческое содержание и наполнение, но во многом и символический смысл. Обращаясь к конкретным датам и истории разработки правовых основ создания и деятельности Верховного Суда и в целом судебной системы советской России, несложно заметить, что они стали частью масштабной концептуальной и одновременно детальной правовой работы, сопровождавшей процессы завершения губительной для исторической России и ее народа Гражданской войны, преодоления ее последствий и создания советского государства как преемника многовековой российской государственности.

Так, 100-летний юбилей Верховного Суда Российской Федерации связывается с принятием 11 ноября 1922 г. и вступлением в действие с 1 января

1923 г. Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР», вводившего трехуровневую судебную систему с Верховным Судом РСФСР во главе⁴. В тот же период конца 1922 г. параллельно была завершена работа над формированием начальных правовых основ создания Советского Союза, и 30 декабря 1922 г. ВЦИК был заключен Договор об образовании СССР⁵. При этом системная законодательная работа параллельно велась и по другим направлениям.

Среди прочих ключевых законов в том же 1922 г. 1 июня был принят и с той же даты введен в действие Уголовный кодекс РСФСР⁶. Среди более чем двухсот статей Кодекса были установлены и обеспеченные уголовной ответственностью антимонопольные запреты. Возобновление антимонопольного регулирования было обусловлено тем, что общий курс запущенной в этот период так называемой Новой экономической политики (НЭПа) предусматривал частичное использование рыночных регуляторов в организации национального хозяйствования, что всегда чревато рисками монополизации и искусственного взвинчивания цен со стороны коммерсантов, а в условиях острейших социально-экономических проблем и противоречий периода окончания Гражданской войны это было особенно опасно. Условия переходного периода, кризисной фазы российской государственности требовали установления жесткого барьера искусственной дороговизне, вызванной в том числе спекулятивно-монополистической практикой, как индивидуальной, так и коллективной, т. е. посредством ценовых сговоров.

В то же время нельзя не отметить, что антимонопольные меры периода НЭПа носили ограниченный характер, их нельзя рассматривать и расценивать как развитую систему антимонопольного регулирования. В дореволюционный период российской истории было достаточно много сделано в правовом плане для формирования и развития системы противодействия монополистической деятельности в соответствии с меняющимся характером монополистических вызовов и угроз экономике, потребителям, государственной стабильности [Князева, И. В., 2006, с. 115–205]. Таким образом, у отечественных разработчиков антимонопольных правил советского периода имелась объемная правовая фактура, которую можно было переработать под потребности новой эпохи.

Содержание антимонопольного регулирования в России в ее многовековой истории менялось сообразно потребностям времени, и к концу монархического периода на основе уходящих корнями глубоко в прошлое анти-

⁴ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁵ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г.) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1960. С. 18.

⁶ Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

спекулятивных антимонопольных запретов и отдельных мер противодействия постепенно создавалась новая модель антимонопольного права, для которой были характерны преобладание административно-правового регулирования, развитость и дифференциация правовых институтов, гибкость подходов, экономический анализ в принятии решений и т. д. По сравнению с активно прогрессирующим дореволюционным антимонопольным регулированием НЭПовское антимонопольное право РСФСР и система противодействия выглядели значительно скромнее и ограничивались, по всей видимости, только уголовными запретами и уголовно-процессуальными средствами выявления и противодействия, более напоминая старое российское антиспекулятивное антимонопольное право, предшествующее антимонопольной реформе.

Хотя нельзя исключать, что на региональном и местном уровнях в период НЭПа могли приниматься в дополнение к уголовно-правовым и отдельные дополнительные административно-правовые по своему отраслевому режиму антимонопольные запреты и средства противодействия. Такая теоретическая возможность следовала, например, из характера полномочий региональных и местных властей, установленных Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1922 г., утвердившим «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке». Данным Декретом губернские и уездные исполнительные комитеты и президиумы уполномочивались в том числе «издавать для населения своего района в пределах компетенции, указанной в ст. 61 Конституции РСФСР и в постановлениях Всероссийских Съездов о советском строительстве... обязательные постановления по предметам управления и охранения порядка, а также в развитие действующих декретов и положений (как-то по вопросам: общественной безопасности и порядка, народного здоровья, *правил, регулирующих торговлю*, сбора налогов, борьбы со стихийным бедствиями, строительного устава и т. п.) со включением в эти постановления указаний на ответственность, налагаемую в административном порядке за их несоблюдение»⁷ (выделено мною. – К. П.). В свою очередь, ст. 61 Конституции РСФСР 1918 г., к которой отсылал данный Декрет, уполномочивала областные, губернские, уездные и волостные органы Советской власти, а также Советы депутатов, в частности, на проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти и принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях и др.⁸

Таким образом, правовая основа для возможности установления при необходимости дополнительных антимонопольных мер на региональном

⁷ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1922 г., утвердивший «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 48. Ст. 603.

⁸ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

и местном уровнях была. Однако, без сомнения, наличие примеров таких мер на местах требует отдельного исследования, своего подтверждения в источниках и свидетельствах о практике их применения, если они были установлены. Возможно, их и не было вовсе или они не успели реализоваться в связи с недолгой историей НЭПа. С полной уверенностью можно утверждать пока, что на центральном уровне, т. е. в системном плане, в период НЭПа были установлены только уголовно-правовые антимонопольные средства.

Такая отраслевая ограниченность мер, акцент на уголовное преследование были связаны, по всей видимости, и с определенными вызванными историческим моментом приоритетами использования государственных ресурсов, что не предполагало их задействования для быстрого формирования полноценного специального государственного экономического аппарата антимонопольной политики, действующего в рамках административно-правового режима на основе методов экономико-правового анализа, сопоставления негативных и положительных эффектов рыночного поведения предпринимателей для экономики и других традиционных подходов, свойственных современным моделям антимонопольного регулирования, задачам обеспечения баланса интересов. Возможно также, что у определенных групп политического руководства имелось понимание временного характера НЭПа, в связи с чем уголовно-правовые средства на этом кратковременном отрезке рассматривались в качестве экстренных и достаточных, чтобы сдерживать спекулятивные ценовые спекуляции и индивидуальные злоупотребления. Установление в целях превенции прямых уголовных запретов, а не формирование полноценной системы экономических расследований – возможно, именно такова была основная задача в то время, для которой указанных мер, как считалось, было достаточно.

Все же развитая система антимонопольного регулирования особенно важна в рамках экономической модели, функционирующей преимущественно в условиях рыночных механизмов, включающей наличие крупного частного капитала и в целом – крупного частного бизнеса. В этом случае антимонопольные средства важны для обеспечения эффективности экономической системы, баланса интересов потребителей, крупного, среднего и малого бизнеса, экономики страны в целом на основе принципов разумности, пропорциональности, эффективности. Это диктует необходимость регулярного проведения экономико-правового анализа, предотвращения монополистических тенденций, выявления нарушений и форм противодействия им.

НЭП же не представлял собой тотально систему свободного частного предпринимательства, коммерция была ограничена преимущественно некоторыми сферами торговли, услуг, малых форм производства и сельского хозяйства. Параллельно с ограниченной экономической свободой в целом в ряде секторов экономики проводились различные виды деятельности, направленные на укрупнение и национализацию. В этот же период национализировались крупный капитал, крупная промышленность, представленная синдикатами и трестами, в 1923 г. принимается Декрет о

трестах⁹ [Писенко, К. А., 2018, с. 162, 166]. Государственная монополизация обеспечивается уголовно-правовой защитой (ст. 136)¹⁰, предшествующей антимонопольной ст. 137 УК РСФСР.

В этих условиях с учетом относительно незначительного пространства рыночной деятельности в экономике того периода наряду с другими, указанными выше, его особенностями ограниченность антимонопольных мер уголовными запретами и соответствующими уголовно-процессуальными средствами противодействия во многом объяснима. Главное было обеспечить антиспекулятивную защиту от искусственно завышенного ценообразования на либерализированных рынках, что в целом, возможно за некоторыми исключениями, было под силу досудебным и судебным органам в рамках уголовного процесса, не требовало создания и привлечения по общему правилу органов, ответственных за экономическую политику, для оценки правомерности корыстного монополистического поведения.

В связи с этим НЭПовские уголовные антимонопольные запреты больше напоминают антиспекулятивные меры борьбы с искусственной монополистической дороговизной периода до антимонопольной реформы в России и мире, начавшейся во второй половине XIX – начале XX в. Она привела к установлению административно-правового режима регулирования в качестве базового для антимонопольных отношений и включающего гибкость регулирования, широкую дискрецию правоприменителя и направленные на сдерживание такой дискреции и обеспечение баланса интересов специальные принципы правового регулирования, децентрацию полномочий властных субъектов, отвечающих за реализацию антимонопольной политики, развитый административный процесс контрольно-надзорной, санкционирующей и в целом публично-охранительной деятельности и др. [Писенко, К. А., 2018, с. 115–205].

НЭПовское уголовное законодательство (первая редакция ст. 137 УК РСФСР 1922 г.) криминализировало «искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок». Следуя дореволюционным традициям антимонопольного уголовного преследования, законодатель в ст. 137 УК РСФСР 1922 г. разграничивал как особые виды ценовых монопольно-спекулятивных соглашений так называемые сговоры и стачки. По этому поводу известный российский правовед, один из соредакторов комментария к УК РСФСР 1922 г. А. Н. Трайнин рассуждал: «Провести грань между сго-

⁹ Декрет СНК СССР от 17 июля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 84. Ст. 815.

¹⁰ Согласно ст. 136 УК РСФСР, «за нарушение положений, регулирующих поведение в жизнь государственных монополий, устанавливается уголовная ответственность и наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок не ниже шести месяцев». См.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР).

вором и стачкой представляется довольно затруднительным: сговор, надо думать, имеет в виду соглашение между торговцами более длительного и систематического характера и касается как операций по продаже, так и покупке товаров (напр., торговцы, для повышения цен сговорились в течение определенного времени не делать новых запасов товаров), в то время как стачка скорее предполагает соглашение на конкретный случай и преимущественно для установления однородной продажной цены (торговцы мануфактурного ряда такого-то рынка стакнулись не продавать в конце праздника ситец дешевле такой-то цены)» [Трайнин, А. Н., 1923, с. 40].

В период НЭПа содержание антимонопольных уголовных запретов неоднократно корректировалось¹¹, однако нельзя сказать, что изменения носили концептуальный характер. Напротив, вносимые изменения в целом были в русле достаточно простой модели противодействия спекулятивному монополистическому ценообразованию (на короткое время в дополнение к ним даже были введены запреты на злостное понижение цен на производящихся государственными органами публичных торгах посредством распространения ложных, порочащих предмет и условия торгов сведений или иными способами¹², т. е. на действия, которыми сбивалась цена вопреки публичному фискальному интересу, такая своеобразная обратная спекуляция в интересах покупателя, а может быть, и просто вредительство по отношению к казенным доходам и интересам государства в целом). В последней (для НЭПовского периода) редакции антимонопольной статьи, которая из ст. 137 превратилась в ст. 107, в частности, сужалась объективная сторона, например, уходило преследование нарушений, связанных с понижением цен на торгах, перестал применяться термин «стачка», остался лишь «сговор». По всей видимости, законодатель посчитал, что такое разграничение типов соглашений не является необходимым для целей защиты публичных интересов от монопольно-спекулятивных соглашений. В любом случае НЭПовское антимонопольное право имело своим предметом достаточно понятные нарушения, не требовавшие глубокого экономического анализа для выявления противоправности, в том числе общественной опасности деяния.

Переход от НЭПа к плановой экономике объективно изменил экономические отношения, и многие институты, свойственные рыночной модели, оказались лишними или требовали трансформации под потребности новых подходов. В этом контексте характерно, что поправками 1932 г. в УК РСФСР ст. 107 не была отменена, но ее содержание трансформировалось из антимонопольно-антиспекулятивного в исключительно антиспекулятивное. Теперь этой статьей стали преследоваться «скупка и перепродажа

¹¹ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600 ; Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 48. Ст. 479; Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 62 (поправка).

¹² Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г.

частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления», что наказывалось лишением «свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества»¹³. Преемственность этой нормы была обеспечена затем уже УК РСФСР 1960 г.¹⁴ – ст. 154, которая предусматривала ответственность за «спекуляцию, то есть скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы». Квалифицирующим признаком устанавливалась спекуляция «в виде промысла или в крупных размерах».

Таким образом, в отличие от монархического периода отдельные анти-спекулятивные антимонопольные меры не стали в советское время базой для развернутой системы антимонопольного регулирования, свойственного экономическому укладу с преобладанием рыночных механизмов и частного капитала, но трансформировались в антиспекулятивные меры, характерные для экономической модели, в которой преобладающее значение в организации и реализации хозяйственных процессов имеет государство.

Однако слом советской политической и экономической модели, формирование института частной собственности, декларирование рыночных свобод и либерализации хозяйственной деятельности вновь актуализировали запрос на формирование свойственной рынку антимонопольной модели регулирования. Стоит обратить внимание, и это закономерно, что, когда в 1990-е гг. российским государством был взят экономический курс, декларируемый как рыночный, и стали формироваться правовые основы его легализации и распространения, практически одновременно, с небольшим разрывом во времени, отменяется уголовная ответственность за спекуляцию, что произошло в 1991 г.¹⁵, и вводится уголовная ответственность за незаконное повышение или поддержание цен, совершенное в результате монополистической деятельности. Таким образом, произошел обратный разворот уголовно-правовой политики сообразно развороту политическому и экономическому: как несколько десятилетий назад антимонопольно-антиспекулятивная статья была заменена антиспекулятивной, теперь антиспекулятивная статья уступает место антимонопольной. Причем характерно, что даже юридико-технически это оказалась не новая статья, а была произведена трансформация антиспекулятивно-антискупочных статей в антимонопольную. В ряду антиспекулятивно-антискупочных ст. 154–154.1 исчезает антиспекулятивная ст. 154, но устанавливается ст. 154.3, пресле-

¹³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1932 г. «Об изменении ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР» (утв. Постановлением ВЦИК от 20 января 1933 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1932. № 87. Ст. 385.

¹⁴ Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

¹⁵ Закон РСФСР от 28 февраля 1991 г. № 752-1 «О действии на территории РСФСР Закона СССР от 31 октября 1990 года “Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле”» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 9. Ст. 204.

дующая монополистическое повышение или поддержание ценообразования¹⁶.

В новом и действующем в настоящее время УК РФ 1996 г. эта статья по сути сохранилась, но стала ст. 178, которая в первоначальной редакции 1996 г. именовалась «Монополистические действия и ограничение конкуренции»¹⁷. Впоследствии редакция данной статьи неоднократно менялась, но ее антимонопольный вектор оставался неизменным: в настоящее время (с 2015 г.) она преследует «ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами – конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере»¹⁸.

Однако на современном этапе российской истории и развития антимонопольного права уголовно-правовые средства противодействия монополистической деятельности практически сразу стали устанавливаться и корректироваться в рамках более комплексного межотраслевого регулирования и формирования модели, отражающей в целом подходы, характерные для современной системы антимонопольного регулирования, созданной в большинстве государств мира в XX в. и формирование которой было начато и в России на рубеже XIX–XX вв. в рамках антимонопольной реформы.

Для современной системы антимонопольного регулирования характерно наличие системного комплекса мер противодействия монополистической деятельности, в рамках которого преимущественно антимонопольная политика осуществляется посредством административно-правовых средств¹⁹, но при этом может дополняться гражданско-правовыми и уголовно-правовыми нормами права. Задачи обеспечения баланса интересов предопределяют соблюдение в современном антимонопольном регулировании и применении требований принципа пропорциональности (общий адми-

¹⁶ Закон Российской Федерации от 1 июля 1993 г. № 5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1993. № 32. Ст. 1231.

¹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁸ Федеральный закон от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 31 июля ; Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.03.2015 ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 декабря 2021 г.) // Российская газета. 2009. 31 июля.

¹⁹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. 27 июля.

нистративно-правовой принцип) или эффективности антимонопольного контроля (его модификация в антимонопольном праве), характерного для стран европейской, преимущественно континентальной правовой традиции, или принципа (правила) разумного подхода (американский подход) в части как установления антимонопольных требований, так и контроля за их соблюдением, а также санкционирования правомерного поведения в целях предотвращения монополистических угроз.

В рамках этого подхода оценка правомерности действий со стороны прежде всего правоприменителя предусматривает развитое процессуальное регулирование и соблюдение процессуальных норм и принципов как системы гарантий объективного разрешения дела и защиты участников публично-охранительных антимонопольных отношений от субъективизма, произвола и ошибок, а также обязательное применение экономико-правового анализа как неотъемлемого условия определения правомерности поведения субъектов рыночных отношений. Без рассмотрения экономической составляющей нельзя обойтись не только в административном антимонопольном процессе, но и в процессе судебном, особенно в случаях разногласий сторон (например, при оспаривании предполагаемым нарушителем актов властных субъектов, ответственных за оценку соблюдения обязательных антимонопольных требований, за предупреждение, пресечение нарушений и обеспечение публичных интересов, в том числе через принятие мер восстановительного характера). Необходимость применения экономико-правового анализа обусловлена объективными рисками применения принуждения и ограничения к лицам, чьи экономические действия не представляют никакой общественной опасности, но, напротив, могут приводить к желаемым последствиям для интересов общества.

Как свидетельствуют данные научных исследований, практика экономической деятельности на различных рынках и результаты ее изучения, конкуренция сама по себе, рассматриваемая вне конкретной ситуации, с точки зрения социально-экономического контекста, других видов публичных интересов, не является абсолютным позитивным фактором, всегда и абсолютно способствующим улучшению социально-экономической обстановки, повышению эффективности рынков, в том числе в контексте задач повышения благосостояния и защиты потребителей, обеспечения баланса экономических интересов различных социальных групп, включая производителей, потребителей, посредников и др., устойчивого экономического роста и стабильности экономической системы в целом, равно как интересов обороны, безопасности, ряда иных публичных интересов. Иными словами, конкурентный ресурс ограничен, и нередко ограничивающие конкуренцию модели поведения хозяйствующих субъектов не только не оказывают негативного влияния на экономические процессы, потребителей, но и являются необходимыми для достижения положительных результатов в целях различных общественных интересов.

Именно в связи с этим в законодательстве самых разных государств мира устанавливается защита от конкуренции сферы так называемых государственных и естественных монополий, вводятся и реализуются подходы допустимости индивидуальных действий и соглашений, ограничиваю-

щих конкуренцию, на основе указанных выше принципов пропорциональности (эффективности), правила разумного подхода. Так, в параграфе 1 ст. 85 Договора о Европейском Экономическом Сообществе устанавливается запрет на антиконкурентные соглашения, в частности на картели. Но уже в параграфе 3 той же статьи определяется: «Положения параграфа 1 могут быть признаны не подлежащими применению: ...к любой картельной практике или категории такой практики; которые способствуют улучшению производства или распределения товаров или содействуют техническому или экономическому прогрессу, предоставляя потребителям справедливую долю получаемых благодаря этому выгод, и которые:

- а) не налагают при этом на заинтересованные предприятия такие ограничения, которые не являются необходимыми для достижения этих целей;
- б) не предоставляют этим предприятиям возможность ограждать от конкуренции существенную часть продуктов, о которых идет речь»²⁰.

Подобный подход применяется и в антимонопольном регулировании отдельных стран ЕС²¹. Изъятия свойственны и американской модели противодействия картелям. При этом если европейское регулирование и практика изъятий из запретов базируются в основном на положениях антимонопольного законодательства, равно как и в других странах, воспринявших европейские правовые модели, то антитрестовское право США содержит многочисленные изъятия, как правило, не только на основании статуты, но также и судебных решений в силу традиционного для этой страны значения прецедента как акта регулирования, а не только правоприменения²².

Проблематике соотношения антимонопольного права и экономики, в том числе обоснованию возможности экономической пользы от ограничения конкуренции, так же как и возможности причинения вреда общественным интересам от такого ограничения, пониманию содержания правовых норм в контексте оценки экономических аспектов и социально-экономических эффектов рыночного поведения субъектов предпринимательских отношений посвящено немало академических и прикладных экономических и экономико-правовых исследований [Jorde, T. M., Teece, D. J., 1993, p. 579; Easterbook, F. H., 1981, p. 886; Gellhorn, E., Tatham, T., 1984, p. 155;

²⁰ Договор об учреждении Европейского Экономического Сообщества. Ст. 85. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771692>.

²¹ Act Against Restraints of Competition in the version published on 26 June 2013 (Bundesgesetzblatt (Federal Law Gazette) I, 2013, p. 1750, 3245), as last amended by Art. 5 of the law of 21 July 2014 (BGBl. I p. 1066). First Chapter. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gwb/englisch_gwb.html#p0015 ; Ley 15/2007, de 3 de julio, de Defensa de la Competencia. Art.1. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/l15-2007.t1.html#c1.

²² Consultations and discussions regarding peer reviews on competition law and policy, review of the Model Law, and studies related to the provisions of the Set of Principles and Rules United Nations Conference on Trade and Development // UNCTAD Handbook on Competition Legislation. TD/B/C.I/CLP/L.4. 30 April 2012. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpL4_en.pdf [p. 2, 10, 14–17 and etc.].

Erlich, I., Posner, R. A., 1974, p. 257; Posner, R. A., 2007], выводы соответствующих научных школ используются в ряде государств в правоприменении, влияют на правовое регулирование и толкование права. Авторитетные курсы антимонопольного права нередко включают специальные главы или параграфы, посвященные введению в экономику антимонопольной политики, а также содержат экономический анализ регулирования и правоприменения (или элементы такого анализа или ссылки на него) [Gellhorn, E., Kovachic, W. E., Calkins, S., 2004, p. 60–112; Posner, R. A., 2001; Ortiz Blanco, L., et al., 2008, p. 33–37].

Состояние отечественной модели антимонопольного регулирования с точки зрения интеграции экономического или экономико-правового анализа в позитивное право и правоприменение пока следует признать не вполне удовлетворительным. Безусловно, есть отдельные успехи и достижения, выраженные как в отдельных судебных решениях, так и в актах официального судебного толкования²³. В особенности значительный прорыв в части постулирования значимости и необходимости изучения экономической аргументации в обосновании позиций по антимонопольным делам достигнут в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г., посвященном вопросам применения антимонопольного законодательства. Сформулированные в нем позиции придают новые импульсы административному и судебному антимонопольному правоприменению и, как представляется, весьма способствуют преодолению доминирующей пока на практике формальной оценки рыночного поведения участников экономической деятельности, что крайне бедственно сказывается как на общественных интересах, так и на положении конкретных лиц, чье поведение, вне зависимости от объективной экономической пользы, может оцениваться как противоправное. Очевидно, что без преодоления такого формализма сложно будет добиться снижения социальной апатии и оживления духа добросовестного предпринимательства.

Например, с экономической точки зрения несостоятельной является практика признания виновными в картеле лиц, которые не могли даже потенциально своим поведением, которое по формальным признакам оценивается как картель, извлечь какие-либо преимущества в виде сверхприбыли непосредственно или через вытеснение (недопуск) конкурента на рынок (с рынка) с целью получения коллективно рыночной власти и последующего извлечения сверхприбыли; или практика признания какого-либо одного субъекта злоупотребившим доминирующим положением в ситуации, когда он был признан доминантом не как единоличный обладатель рыночной власти, а только вместе с рядом своих конкурентов в условиях (по основанию) так называемого коллективного доминирования.

²³ См., например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2021 г. № 309-ЭС20-23861 по делу № А50-4336/2020. Документ официально не опубликован. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 г.) (п. 33 и др.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 10.

Такая и подобная ей явно противоречащая экономике отношений практика не поддержана Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который сформулировал ряд крайне важных позиций в отношении как критериев признания законности соглашений, так и иных форм рыночного поведения. Общая ориентированность на применение экономического анализа, на обеспечение баланса интересов, принципа пропорциональности (эффективности, разумного подхода) является безусловным достоинством принятого Пленумом Постановления: экономико-правовые аналитические методологические подходы Верховного Суда, как минимум в толковании и правоприменении, придают дополнительный импульс развитию науки и практики. Важно развивать эти достижения.

Обсуждение и заключение

Таким образом, среди актуальных проблем повышения эффективности антимонопольного регулирования посредством придания экономико-правовому анализу в антимонопольном правотворчестве и практике более регулярного и глубокого характера – пересмотр подхода к трактовке содержания конструкции *per se*, понимание и применение которой в мире свидетельствуют о различных его интерпретациях, а также и о проблемах применения данного подхода [Гелхорн, Э., Ковасик, В. Е., 1995, с. 122]. К сожалению, в отечественной практике он нередко абсолютизируется в каком-то одном его понимании, сводится к объективному вменению нарушения запретов, понимаемых формально, безотносительно целей и принципов регулирования, экономики отношений, публичных интересов, наличия общественной опасности деяния и т. п.

Также необходима коррекция ст. 13 Закона о конкуренции, которая устанавливает общие правила допустимости запрещенных антимонопольным законодательством деяний по критерию публичного интереса [Писенко, К. А., и др., 2015, с. 231–242, 253–264], однако, в отличие от общепринятых в мире подходов к антимонопольному регулированию, исключает из-под своего действия целый ряд вариантов рыночного поведения, которые могут являться общественно полезными и не иметь общественной опасности. Это объективно вынуждает признать установленное ст. 13 правовое регулирование в этой части противоречащим публичным интересам, принципам баланса интересов, пропорциональности (эффективности, разумности), выводам экономико-правовой аналитики и в связи с этим требует пересмотра и изменений.

На практике, как представляется, следует более внимательно относиться как к качеству лежащих в основе административных антимонопольных решений экономического анализа полноты и достоверности экономических методик, данных и выводов, их релевантности и содержательности, так и к экономическим аргументам спорящих сторон в рамках административного или судебно-административного процессов. В случае выявления существенных разногласий по экономическим данным и выводам, методологии составления экономических вопросов и получения данных и т. д. необходимо, как представляется, на постоянной основе обеспечивать права участников дела, связанные с привлечением независимых экспер-

тов или экспертных учреждений, обладающих специальными экономическими познаниями, важными для объективного и законного разрешения дела. Данные экспертизы не предрешают исхода дела, однако могут оказаться крайне полезными при принятии решений, влияющих на права и интересы граждан и государства, могут помочь предотвратить необъективное преследование какого-либо лица, ущерб национальным экономическим интересам и т. п.

Безусловно, в доказывании нарушения нельзя ограничиваться отдельными элементами, практиковать объективное вменение: требуется доказывание всех элементов состава нарушения, включая мотивы и цели (направленность), что нередко именно в антимонопольном праве крайне важно для установления монополистического нарушения, в особенности в контексте причинно-следственных связей направленности и поведения, рассматриваемого в качестве признака нарушения.

Среди актуальных изменений также и коррекция целей антимонопольного законодательства. Как справедливо отмечается в литературе, «эффективность правового регулирования общественных отношений предопределяется рядом факторов, среди которых ведущую роль играет указание целей, которые законодатель ставит перед собой» [Tsindeliani, I., et al., 2019, p. 248]. Цели антимонопольного законодательства не только должны отражать подходы экономико-правового анализа, но также и не должны быть слишком абстрактными, оторванными от конституционных целей и задач, в основе которых интересы граждан России, они должны быть также доступными для восприятия и понимания правоприменителей и тех, на кого распространяется правовое регулирование.

Антимонопольное законодательство (как экономическое) призвано обеспечивать прежде всего социально-экономическое благополучие российских граждан и российского общества в целом. Конституционные нормы и принципы имеют системообразующее значение для антимонопольного регулирования как *de lege lata*, так и *de lege ferenda*, что предопределяет необходимость исходить в правотворческой деятельности, толковании и правоприменении из единства отдельных антимонопольных норм с конституционными императивами, целями, ценностями. В особенности в контексте имплементации экономико-правового анализа в антимонопольное право и практику, обеспечение баланса интересов системообразующее значение имеют положения ст. 75.1 Конституции России, в которой установлена обязанность государства создавать «условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества», гарантировать защиту «достоинства граждан и уважение человека труда», обеспечивать «сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство», экономическую, политическую и социальную солидарность. Представляется важным скорректировать легально определенные цели антимонопольного законодательства сообразно этой специальной, целевой, системной социально-экономической статье российской Конституции, ибо антимонопольное регулирование должно служить общественным интересам, обеспечивать эффективность социально-экономической системы, благополучие граждан России.

Список источников

Гелхорн Э., Ковасик В. Е. Антитрестовское законодательство и экономика : пер. с англ. 4-е изд. Междунар. ин-т права США, 1995. 382 с. ISBN: 0-314-02683-5.

Князева И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие. М. : Омега-Л, 2006. 526 с. ISBN: 5-98119-748-X.

Писенко К. А., Цинделиани И. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Анти-монопольное право : учебник. М. : РГУП, 2015. 418 с. ISBN: 978-5-93916-475-7.

Писенко К. А. Административно-правовое обеспечение баланса интересов в сфере антимонопольного регулирования в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 497 с.

Трайнин А. Н. Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. (Текст и комментарий к ст.ст. 126–141 Уголовного кодекса) / под ред. М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. М. : Право и Жизнь, 1923. 51 с.

Easterbook F. H. Maximum price fixing // University of Chicago Law Review. 1981. Vol. 48, issue 4. Art. 3. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol48/iss4/3>.

Erlich I., Posner R. A. An Economic Analysis of Legal Rulemaking // Journal of Legal Studies. 1974. Vol. 3, no. 1. P. 257–286.

Gellhorn E., Kovachic W. E., Calkins S. Antitrust Law and Economics in a Nutshell (Nutshells). 5th ed. West Academic Publishing, 2004. 667 p. ISBN-10: 0314257233, ISBN-13: 978-0314257239.

Gellhorn E., Tatham T. Making Sense Out of the Rule of Reason // Case Western Reserve Law Review. 1984. Vol. 35, issue 2. P. 155–182.

Jorde T. M., Teece D. J. Rule of Reason Analysis of Horizontal Agreements: Agreements Designed to Advance Innovation and Commercialize Technology // Antitrust Law Journal. 1992. Vol. 61. 579 p.

Ortiz Blanco L., Maillo Gonzales-Orus J., Ibanez Colomo P., Lamadrid de Pablo A. Manual de derecho de la competencia. Madrid : Tecnos, 2008. 464 p. ISBN: 9788430948093.

Posner R. A. Antitrust Law. 2nd ed. The University of Chicago Press, 2001, 320 p. ISBN-10: 0226675769; ISBN-13: 978-0226675763.

Posner R. A. Economic Analysis of Law. 7th ed. Wolters Kluwer Law & Business, 2007. 816 p. ISBN-13: 978-0735563544.

Tsindeliiani I., Selyukov A., Bochkareva E., Mironova S. Goal setting in the mechanism of public legal regulation of finance // Opción. 2019. Vol. 35. P. 247–259. URL: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30641>.

References

Easterbook, F. H., 1981. Maximum price fixing. *University of Chicago Law Review*, 48(4), Art. 3. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol48/iss4/3>.

- Erlich, I., Posner R. A., 1974. An Economic Analysis of Legal Rulemaking. *Journal of Legal Studies*, 3(1), pp. 257–286.
- Gellhorn, E., Kovachic, W. E., 1995. *Antitrustovskoye zakonodatel'stvo i ekonomika* = Antitrust Law and Economics in a Nutshell. Transl. from Eng. 4th ed. US International Institute of Law. 382 p. (In Russ.) ISBN: 0-314-02683-5.
- Gellhorn, E., Kovachic, W. E., Calkins, S., 2004. *Antitrust Law and Economics in a Nutshell (Nutshells)*. 5th ed. West Academic Publishing. 667 p. ISBN-10: 0314257233, ISBN-13: 978-0314257239.
- Gellhorn, E., Tatham, T., 1984. Making Sense Out of the Rule of Reason. *Case Western Reserve Law Review*, 35(2), pp. 155–182.
- Jorde, T. M., Teece, D. J., 1992. Rule of Reason Analysis of Horizontal Agreements: Agreements Designed to Advance Innovation and Commercialize Technology. *Antitrust Law Journal*, 61. 579 p.
- Knyazeva, I. V., 2006. *Antimonopol'naya politika v Rossii* = [Antimonopoly policy in Russia]. Textbook. Moscow: Omega-L. 526 p. (In Russ.) ISBN: 5-98119-748-X.
- Ortiz Blanco, L., Maillo Gonzales-Orus, J., Ibanez Colomo, P., Lamadrid de Pablo, A., 2008. *Manual de derecho de la competencia*. Madrid: Tecnos. 464 p. ISBN: 9788430948093.
- Pisenko, K. A., 2018. *Administrativno-pravovoe obespechenie balansa interesov v sfere antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii* = [Administrative and legal support of the balance of interests in the field of antimonopoly regulation in the Russian Federation]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. (In Russ.) 497 p.
- Pisenko, K. A., Cindelian, I. A., Badmaev, B. G., Kazaryan, K. V., 2015. *Antimonopol'noe pravo* = [Antitrust law]. Textbook. Moscow: Russian State University of Justice. 418 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-475-7.
- Posner, R. A., 2001. *Antitrust Law*. 2nd ed. The University of Chicago Press. 320 p. ISBN-10: 0226675769; ISBN-13: 978-0226675763.
- Posner, R. A., 2007. *Economic Analysis of Law*. 7th ed. Wolters Kluwer Law & Business. 816 p. ISBN-13: 978-0735563544.
- Trajnin, A. N., 1923. *Ugolovnyy kodeks RSFSR. Prakticheskiy kommentariy. (Tekst i kommentariy k st.st. 126–141 Ugolovnogo kodeksa)* = [Criminal Code RSFSR. Practical commentary. (Text and commentary to Articles 126–141 of the Criminal Code)]. Eds. M. N. Gernet, A. N. Trajnin. Moscow: Pravo i Zhizn'. 51 p. (In Russ.)
- Tsindelian, I., Selyukov, A., Bochkareva, E., Mironova, S., 2019. Goal setting in the mechanism of public legal regulation of finance. *Opción*, 35, pp. 247–259. URL: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/30641>.

Информация об авторе / Information about the author

Писенко Кирилл Андреевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по праву и политологии Минобрнауки России.

Kirill A. Pisenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Salishcheva Administrative Law and Process Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Member of Scientific Advisory Council of the Supreme Court of the Russian Federation, Member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission for Law and Political Science of the Ministry of Education and Science of Russia.

ORCID: 0000-0001-7158-3563.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 12.01.2023; дата одобрения после рецензирования: 24.01.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 15.05.2023.

Submitted: 12.01.2023; reviewed: 24.01.2023; revised: 15.05.2023.